

Часть 16. На всю жизнь

...Прошло всего-то чуть больше месяца с того дня, как Вадим покинул эту уютную квартиру на Белградской, 10, однако, по возвращении она показалась какой-то странно отчужденной от него сегодняшнего: пространство комнат странно сузилось, милые сердцу знакомые вещи с трудом узнавались. Как из прошлой жизни. И почему-то невольно приходила мысль о душе, обходящей после смерти свой земной дом перед зовущим и неизбежным уходом из него... Грустное сравнение. Даже тягостное. Он всячески старался отмежеваться от него, не понимая, что же произошло. Понял: изменилось что-то в нём самом. Что-то, пока что неуловимое, занозой засевшее в сознании. ...Мироощущение? ...За месяц?! Да, всего лишь месяц. Но какой! Будто по глади жизни прошёл этот месяц рваным, широким и невероятно глубоким оврагом, целым каньоном! И вместил в себя столько!.. Вместил до самых краёв. Пережитых событий, встреч и душевной боли хватило бы на несколько жизней. Жизней ярких и незабываемых!

Несколько позже от какого-нибудь «афганца», ревностно бьющего кулаком по своему застиранному «тельнику», иной раз да слышал: «Да что вы там за какой-то месяц узнали о войне? Вот я!..» - и дальше шло пьяное бахвальство. Возможно, и не хлебнули казаки полную меру войны. Возможно. Но что есть та мера? Ведь на войне каждый день, что жизнь – жизнь, невероятно сжатая, спрессованная. И Бог судья тому подвыпившему «герою». Не со зла он. Но что, объяснять ему? А поймёт ли? Дело ведь, не в каких условиях, и в какой местности велись боевые действия. ...Хотя, бои в городе – нет сложнее боёв! – это утверждает и Боевой устав. Дело даже не в сроке и не в количестве боевых выходов. И вообще, бывалые фронтовики говорят, что день службы в условиях войны приравнивается к трём в мирное время, – «Это сколько же мы там прослужили?!» Но всё это не важно. Неужели невдомёк, что война – один её день, один час! – напрочь переворачивает всю твою жизнь? ..Где тихоня, незаметный миру, становится первым в бою, а бывший двоечник – Героем. Господь не только решает, жить тебе или быть убитым, но и воспитывает: если выжил – как жить дальше. Суть – в силе духа.

...В подзабытой мягкой тиши пустой и до звона в ушах тихой квартиры – мать ещё не вернулась из отпуска – Михайлов в тот же вечер, зависнув на телефоне, обзвонил родных своих земляков-соратников, очень по-доброму поговорил с ними, узнал, что парней дома пока нет – ещё где-то отдыхают, или в пути. По телефону договорился о встрече со станичным атаманом – батька был рад чрезмерно, что все вернулись из похода. Сказал, что до него уже доходили вести, как там воевали его казаки...

Поутру Вадим решил сходить в храм, потом к военкому. Знал – надо.

Над сопками уже еле светилась затухающая полоска дня. Летние ночи в этих широтах коротки, и последний отсвет заката почти сливается с первым светом восхода. Сон Вадима в эту ночь был ещё короче. По привычке – не так давно приобретённой. ...И пробудившись, сознание не сразу включилось, что он ...дома. Дома!!!

Было раннее утро буднего дня, когда он проснулся. Очень раннее. Небо по-над распадками густых сопек за рекой быстро светлело. С Ангары тянуло зябкой свежестью большой воды, а улицы плотно оккупировали пьянящие запахи тайги – а она здесь повсюду: её куски по воле ленинградских архитекторов были благоразумно оставлены строителями почти в каждом дворе, и эта влажно-зелёная дремучесть, цепляясь, ещё удерживала уходящие утренние сумерки.

Он не то что проснулся – будто спихнул с себя тяжелый каменный сон. Но, странно: почувствовал, что за последние дни, начавшиеся казалось много лет назад, впервые выспался. Окончательно.

Пока шел по улице – как и приехал, в выцветшей под молдавским солнцем «камуфляжке», – думал: как странно однако, казалось, ещё только вчера был на войне, а завтра уже выходить на работу, в офис, где тебя будут ждать не сводки разведанных, а заявки, материально-финансовые отчёты, товаротранспортные накладные...

Подойдя к храму, шагнул за калитку ограды, и, облегченно вздохнув, остановился. Глядя на образ Святого Сафрония в киоте над входом, широким и четким движением руки – будто

честь отдал – осенил себя крестным знаменем. До начала службы оставалось немного времени. Настроение было праздничное, даже возвышенное: «Всё. Слава Богу – дома! ...И мы не подвели!» И чувствовал он себя вовсе не в блеклой «камуфляжке», а словно в блестящей парадной форме, где ярким орденом на груди сияла нашивка – изумрудно-алый приднестровский флажок.

Поставив свечу, под взглядами немногочисленных в тот ранний час прихожан Вадим благодарно приложился губами к большой иконе «Державной» Царицы Небесной, низко поклонился Святому Великому мученику Георгию Победоносцу – Небесному Покровителю русского воинства.

- ...С возвращением, сынок, – расцеловав и прослезившись, поприветствовала его какая-то бабушка из постоянных прихожанок. – Ведаем – все живы. Знать, вымолили – сберёт Господь.

И уже заметив Вадима, от свечной лавки, по-старушечьи семеня, радостно поспешала к нему Лидия Петровна – казначей храма. Святая бабулька, как промеж собой уважительно называли её казаки. Называли так за безграничную веру, за доброту её огромного сердца, теплоты которого, казалось, хватало на весь мир, и даже ещё оставалось. Её любили, как бабушку из своего далёкого детства, слушались, как мать.

Познакомились и духовно сблизились они в этом храме вскоре после принятия присяги на верность Отечеству и казачеству – «Вот теперь вы – воины Христовы, заступники Руси!».

А после... Вскоре грянул день, громким эхом отозвавшийся по всему Приангарью – в Усть-Илимске беснующаяся толпа сектантов-евангелистов под предводительством перекинувшегося к ним бывшего настоятеля – попа-расстриги, и при равнодушном попустительстве местных властей, попыталась было захватить православный храм. Казаки храм отстояли. А вот сейчас с оружием в руках и Родину защитили – отстояли Приднестровье.

Из-за внутреннего притвора вышел отец Александр.

- Здравствуй, отче, – Вадим, склонив голову, со скрещенными ладонями шагнул к нему под благословение, благоговейно коснулся лицом руки священника.

«...Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним есмь в скорби, изму его, и прослаблю его; долготой дний исполню его, и явлю ему спасение Мое»...

...И такое тепло, такое умиротворение коснулось души Вадима! Его не смутила вдруг предательски наворачнувшаяся слеза. Он знал, что отец Александр, в прошлом воин-«афганец», как никто другой, понимал его в ту минуту...

«Жители Приднестровья благодарны всем военным формированиям ПМР, которые помогли отстоять свободу нашей республики.

Вместе с тем, мы особо благодарим казаков Черноморского казачьего войска и казаков-добровольцев из России за их подвиги по защите Приднестровской Молдавской Республики.

Мы не забудем, что с помощью казаков Россия обратила свои взоры к Приднестровью, так как донские, кубанские казаки, сибиряки и другие представители казачества не только приняли участие в защите ПМР, но и донесли народам России правду о Приднестровье, о нашей борьбе за свои права. Жители Приднестровья никогда не забудут омытые казачьей кровью мостовые Бендер и земли Дубоссар и Григориополя.

Низкий поклон вам, казаки, от благодарного Приднестровья.

***Женский забастовочный комитет. 19 октября 1992 г., г. Тирасполь, ПМР.»* [*3].**

- ...Здравия желаю, товарищ полковник. Разрешите войти? – по-военному четко спросил Михайлов, открыв дверь кабинета военкома.

- О, Вадим Михалыч! – радостно и удивленно, мельком окинув взглядом его камуфляжку, воскликнул военком, выходя из-за стола. – Здравствуй, здравствуй. Давненько что-то тебя не видел. Проходи. Рассказывай, где пропал?..

- Товарищ полковник, представляюсь, как командир группы усть-илимских казаков, по случаю возвращения её из зоны боевых действий.

- Отку-у-да-а? – протяжно спросил он, будто пытаюсь проникнуть в суть услышанного. - Какой зоны?.. Какой группы? Вы где были?.. – уже не скрывая своего смятения и чуть повысив тон, быстро, как гранатами из АГС, военком начал закидывать Вадима вопросами.

- Докладываю, Анатолий Федорович. Группа казаков станицы «Илимской», именуемая там, как «группа «Филин», в количестве восьми добровольцев находилась в походе, на территории Приднестровской Молдавской Республики принимала участие в боях по обороне города Бендеры от румыно-молдавских захватчиков. Группа домой вернулась без потерь. За что большое спасибо Вам, товарищ полковник. От всех нас. И, уверен – низкий поклон от приднестровцев!..

...В тот день за беседой бутылка настоящего тираспольского коньяка не смогла даже и на толику вывести из состояния «боеготовности» этих двух офицеров, разного ранга, возраста и жизненного опыта. Но они были едины, как офицеры, как боевые души. Долго сидели...

Александр Тхоров, «На западном рубеже», www.proza.ru.

«После полной утраты Россией контроля над низовьем Дуная, после сдачи ею позиций в Крыму, на фоне однозначно враждебной позиции стран Прибалтики и прозападной ориентации Киева и Кишинева, лишь маленькая ПМР на этом, юго-западном, направлении не позволяет защелкнуть капкан Балто-Черноморской дуги НАТО, через Крым легко выходящей одновременно и на Кавказ, и в Турцию. Одним лишь фактом своего существования непризнанная Приднестровская Молдавская Республика сохраняет для России возможность возвращения ее влияния на балканско-дунайском направлении...»

...Казачи давно уже были дома. Жизнь вошла в прежнее русло. Все шло своим чередом: работа, дом, друзья... Но память! ...Которую венчали не лавры. Память, густо перечеркнутая «трассерами», продолжала крепко держать их на той войне, иной раз подкидывая такие «подарки»!.. Появился иной взгляд на жизнь. Появились другие привычки...

Влад Смолин сказал как-то, что не может больше без иронии смотреть видеобоевики и прочие «стрелялки». Уже не единожды замечал за собой, как идя по улицам города, его взгляд, нет-нет, да и прошарит верхние этажи домов, крыши девятиэтажек... Суждения его стали резки, решения категоричны. А для коммерсанта это, наверное, плохо. Его партнеры говорили, что работать с ним стало трудно. Стал часто раздражительным, отвергающим любой компромисс со своей совестью. Многие заметили в нем острое противление любой фальши и несправедливости, от его былой покладистости не осталось и следа. Говорят, хотите понять душу – загляните в глаза. Многие заметили, как редко возвращался к Владу извечно знакомый всем, неизменно добрый взгляд с лукавинкой. Даже во время жаркого спора он не менялся. Влад всегда умел отстоять свою точку зрения, жестко, но спокойно и без обид. Сейчас же, как посетовал один общий знакомый, иной раз Смолин посмотрит так, как, наверное, смотрят на врага через риску прицела перед тем, как нажать на спусковой крючок. А то в раздражении мог мимолетно бросить такого «косяка», что повеет от этого мертвенным холодом. Бывало, что порой в разговоре, молча слушая и будто не слыша, забыв про тлеющую в руке сигарету, смотрит на тебя, как сквозь пространство ...или вглубь самого себя (?) взором пустым, застывшим...

Лекарев, как и прежде, вернувшись к стерильности операционных, продолжал работать хирургом травматологического отделения. Но как-то за «рюмкой чая» признался, что стал смотреть на страдания, особенно детей, совсем по-иному, чувствуя и проводя их боль через себя. Он не говорил, снились ли ему кошмары. Но Тамара, его жена, рассказала, что по ночам он стал часто просыпаться, своими подъемами пугая её: – Что, Слава, опять?..

- Спи, спи. Всё нормально, – отзывался он тихим хриплым голосом. – Я так, покурить... – И на ватных ногах, тяжело дыша, шёл на кухню. Там, не включая свет, брал сигарету, злился, когда дрожащие пальцы ломали спички. Только когда прикуривал и делал несколько глубоких затяжек, по телу прокатывалась тёплая волна успокоения...

Куда его, профессионала самой гуманной профессии, привыкшего к крови и нечеловеческим страданиям, вновь бросала безжалостная память? К пацанёнку, с застывшим

взглядом и зажатой в руках буханкой хлеба? Или на тот, нашпигованный рваным железом и прожженный солнцем пустырь, с которого они поднимали на брезент то, что после двух недель под палящим солнцем осталось от Олежки Халтурина и «Огонька»? ...И лицо, вмиг поседевшего тогда, «дяди Васи» - отца Серёжки. От горя. Может, резкой явью врывались молящие, полные ужаса и боли, глаза того молоденького гвардейца, прошитого осколками, и хрипящего кровавой пеной?..

- ...Ну же, парень! Не уходи! Я приказываю! Давай, живи!!!

Да, если б не Славка... Тогда он сделал, казалось, невозможное – не дал парню умереть...

А Вадим... Появлявшаяся из-за развороченного угла памяти «Шилка» с вмиг наведенными в упор черными стволами, время от времени вползала в его кошмарно-липкий сон, оставляя после себя, пугающий соседей, резкий крик в ночи и прохладу влажной подушки... Словно подброшенный с постели мощной пружины, с бешено колотящимся сердцем, мокрый от пота, и задыхаясь от нехватки воздуха, он в который раз задавал вопрос: «Господи, когда же это кончится?..» Почему во сне было страшно, так, как не было страшно даже там, и всегда во сне ты безволен и бессилён перед надвигающимся?.. – он этого не знал.

И ничего удивительного в том не было, что вскоре после возвращения, начальник местного отделения ГБ порекомендовал ему сменить работу. И вот, пройдя обучение у бывших офицеров КГБэшной «девятки» в питерской частной спецшколе, и собрав команду, Вадим занялся охранным бизнесом. То есть вновь – здравствуй, оружие! ...Во противление злу! Наверное, это рок. Так, видать, на роду было написано, когда он появился на свет Божий.

...После всего пережитого там, в Бендерах, отношения казаков-соратников перешли в иное русло. Это была настоящая мужская дружба. ...Нет – братство! В нём не было места сентиментальным эмоциям, условностям и абстракциям. Зато были поступки, которые это и определяли.

И знали, обо всём, что было там, и что нельзя более допустить ни в России и нигде, люди должны знать!.. Как предупреждение. Социальное напряжение нарастало – к началу 93-го года это ощущалось наиболее остро. Имея власть и «наприхватизированные» богатства, обложив себя кучей разных привилегий, этим самым наши правители лишили себя права требовать от народа уважения к себе и закону. ...Как там у Пушкина: **«Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный!»** – все захлебнутся в крови.

«...Берегись, и тщательно храни душу твою, чтобы тебе не забыть тех дел, которые видели глаза твои, и чтобы они не выходили из сердца твоего во все дни жизни твоей; и поведай о них сынам твоим и сынам сынов твоих». (Библия. Второзаконие, 4.9).

Г. Воловой, депутат парламента Республики Молдовы и Бендерского горсовета ПМР.

« Можно по-разному объяснять, как это произошло. Но умудренные жизненным опытом люди знают – история рассудит. Она не только рассудит, но и осудит тех, кто вверг Молдавию в пучину горя, слез и несчастья». [*1].

«Новый отсчёт времени» - под таким заголовком журналист «Усть-Илимской правды» А. Зимин осенью 92-го года в рубрике **«Свидетельствуют очевидцы»** подготовил цикл статей о недавней поездке казаков в Приднестровье: *«...Как быть в ситуации, когда на местном уровне открыто свои точки зрения на события в Приднестровье никто не высказывал? Как отнестись к поездке в эту «горячую точку» восьми наших земляков – усть-илимских казаков? Как реагировать на слова одного моего знакомого, когда он на сообщении о том, что они там стреляли и убивали, коротко резюмировал: «Убийцы...»? Как, наконец, воспринимать сообщения некоторых газет, что Приднестровье – российская земля – это миф? Вопросов много. И, думается, каждый вправе делать свои выводы».*

Свою толику в разброд мнений горожан внес и местный телеканал. *«...В боях за Приднестровье участвовали 34 иркутских казака. Трое из них погибли. Непосредственное участие в боевых действиях приняли и наши земляки. Трое из них выступили в прошлый понедельник на телестудии «Экран» с рассказом об этих событиях. Жители*

города увидели фотографии и кадры документальных фильмов, снятые в Приднестровье». (Т. Осипик. «Усть-Илимская правда»).

...Писем-откликов от читателей газеты на эти статьи и телепередачу было много. Всяких. От «ура!» до заостенелого непонимания и «ату их!» Некоторых просто никак нельзя было столкнуть с уверенности, что казаки – наёмники. Другие же открыто недоумевали: зачем они туда ездили, если не то что денег, а даже удостоверений ветерана войны себе «не заработали»? Иные не стесняясь, называли их авантюристами: мол, захотелось острых ощущений, собрались да и поехали в «горячую точку». Как на сафари...

Все они забыли главное: приговор выносит история, их же дело – понять, задуматься. «... **И сказал им: кто имеет уши слышать, да слышит!**» (Евангелие от Марка, 4.9).

Не этим обывателям судить их. Казаки знали, за дела свои им придется держать ответ не перед этим судом – пред Высшим!..

Н.М. Меринов, Атаман Иркутского казачьего войска (1991-98 гг.).

«...Нынче только одно Черноморское войско, рожденное, как птица Феникс в огне войны в Приднестровье, можно назвать настоящим казачьим войском. Там есть всё: вооруженный казачий полк – что должен считаться реестром, казачья община, станицы, наделы земли вдоль границы с Молдовой.

Как наша Русская Апостольская православная церковь стоит на крови мучеников, так и Черноморское казачество стоит на крови павших «за други своя» казаков, за Великую Единую и Неделимую Россию».

Та война не могла пройти, «как с белых яблонь дым» – наложила на каждого из парней свой отпечаток. Как это называется, ПТС, кажется, – посттравматический синдром?..

Несмотря на осознание своей правоты и выполненного долга, прошлое всё же волновало – это совесть. Она осталась жива, потому и не давала покоя. Там, в той «командировке», им пришлось пройти через такие ужасы, и самим совершить массу таких ...поступков, о коих и вспоминать-то страшно!

Не пулями и осколками – война в первую очередь бьёт по нервам, вносит существенные коррективы в психику. Об этом мир впервые громко услышал в начале 70-х – ужасная вещь, тот синдром, замучивший американцев после Вьетнама. В голливудских фильмах это выглядело очень трагично: «Он сломался. Тени прошлого тянут его назад...», – актёр, играющий главную роль бывшего крутого «зелёного берета», говорил о своём «боевом друге», и произносил он это низким, сочувствующим голосом, отводя глаза.

А потом и у нас появился подобный синдром – афганский. Психологи и умные журналисты объясняли нам, что эти молодые парни не по годам много пережили, рисковали своей жизнью, видели гибель товарищей, сами отнимали чужие жизни. А подобные душевные испытания и преодоления для неокрепшей ещё психики необратимо меняют её. И, мол, психологическая реабилитация трудна и не всегда эффективна. Должно было пройти какое-то время, прежде чем восстановится травмированная психика и опять включатся и начнут работать механизмы торможения и контроля над собой. Но кого-то всё же сломало – проблемы с психикой, или спились, пытаясь смыть хмелем воспоминания об ужасах войны, о крови, о погибших товарищах...

Казакам «Илимской» не хотелось «ломаться». Конечно, они были не из кремня и стали – живыми людьми со всеми вытекающими последствиями... Но нервы были и впрямь на пределе! Пока были в Бендерах, это как-то особо и не замечалось – не до того было, а вот после... После узнали, что всё же не все иркутяне прошли через этот «экзамен» – кое-кто плотно «сел на стакан», у одного «сорвало крышу», другой «ушел в себя»...

«Человеческая жизнь есть жертва и искупление жертвы, и человек не имеет права осуждать другого человека» (А.И. Деникин).

...Иной раз то новое, что внесли они в себе в мирную жизнь, приводило просто к анекдотичным случаям и конфузам. Например, как-то осенним, еще теплым солнечным днем, окутанной охрой опадающей листвы, – прошло-то всего каких-то полтора месяца, как

вернулись из Бендер! – Лекарев с Михайловым, направляясь куда-то по своим делам, шли по центральной улице города, и тут вдруг проезжавший мимо «чахоточный» «Жигуленок» громко стрельнул выхлопной трубой!.. Люди стоявшие рядом на автобусной остановке, с недоумением смотрели на двух цивильно одетых мужчин, только что ни с того, ни с сего вмиг «щучкой» перелетевших через щетку подстриженных кустиков и распластавшихся на газоне, а сейчас – во, придурки! – сидят на пожухлой траве и, глядя друг на друга, ржут до «не могу». Всё это нервы, господа, нервы – ПТС...

Конечно, о своей «командировке» они рассказывали всем, кто проявлял интерес. Но иной раз замечали в глазах собеседника этакую... «понимающую» лукавинку – да, отчасти в это было трудно поверить.

Рассказывали о тех днях без утайки. Но, не сговариваясь, на «нездоровые» вопросы решили не отвечать. Одним из таких, пожалуй, самым дурацким, был: а сколько вы «завалили»?.. Как-то раз Смолин даже сорвался:

- Как же вы мне надоели, падальщики! Ни такта в вас, ни этики! Вам как, в подробностях, и чтоб крови побольше?.. Отвечаю: я не считал! Пять, десять, сто?.. Что – мало?! Эх, не люди вы – нелюди, трупоеды!..

Прошло время, и Славка на эту тему высказался более сдержанно, и по-философски:

- Хотя это и были враги, мы их ненавидели и стреляли, но когда-нибудь мы всё же поймём, что это тоже были люди, пусть и одуроченные, но кровь у них такая же, как и у нас - красная...

А. Бендерский. «Там, где жили самые гордые русские». WWW. ArtOfWar. RU.

«..Мой товарищ встаёт и выпускает заряд «Мухи» туда, откуда только что по нам стреляли. Стрельба тут же прекращается, и только странные звуки доносятся из того места. Мы переглядываемся - что это?.. Было что-то странное в этих звуках, они похожи на вой. Только тихий и горестный... Проходит с полминуты, ползём в ту сторону, я чуть сзади, и готовлю РГДшку. Мой товарищ резко поднимает руку и мотает головой. Я, не понимая, подползаю к нему и вижу картину, которая меня поразила и останется в памяти навсегда.

За кустом винограда дико растущего на кладбище, спиной к нам на коленях сидит парнишка наших примерно лет и раскачивается из стороны в сторону, подвывая при этом. Он одет в чёрную форму ОПОН с жёлтой надписью на спине. В стороне от него лежат те, кто был с ним. Они не шевелятся. Их оружие разбросано по сторонам. Их больше нет. Но самое главное то, что он при этом обнимает одного из погибших, и было ясно, что он для второго не просто друг, а очень близкий человек... Тот, что сидит, - ранен. Правая сторона головы и плечо у него в крови, но плачет он не от боли. Он ПРОЩАЕТСЯ С ТОВАРИЩЕМ!!! Мой друг смотрит на меня, прищурив глаза, качает головой – не стрелять! Мы киваем друг другу, и отползая назад, чуть не в один голос глубокомысленно заключаем: «ВОЙНА – СУКА!!!»

Постепенно, очень постепенно, отходя от той войны, приходя в себя, к парням приходило понимание, что такое с ними уже никогда не повторится наяву. Но в одном были уверены точно: до конца жизни им не забыть палящее солнце и отблески взрывов в ночи, цветущие клумбы и багровые лужи крови на асфальте... Что всё это придётся ещё многократно пережить в своих снах и воспоминаниях.

В школе на уроках истории Вадим учил и на «отлично» знал, почему, как и при каких условиях возникают войны. Мог легко и просто, с заученной марксистско-ленинской точки зрения, объяснить их неизбежность, разделить всех на правых и виноватых... Но тому, что они ТАМ повидали, как ни пыжешься иль в душе ни бесись – лёгких объяснений не было!

О трудностях и ужасах друзьям-приятелям рассказывать как-то особо не хотелось – рассказывали что-нибудь смешное, как вообще рассказывают задним числом не только о войне, но и о своей армейской или курсантской жизни, что бы там ни происходило. Но часто в разговорах нет-нет да и скажут: «Помню, до войны ещё...», или: «У нас на войне был случай...», «Вот, после войны уже...». Да, сейчас их жизнь повела новый отсчет, разделив её так: до войны, на войне и после войны. Всё, что было до этого – до войны – странно, но будет восприниматься ими как... как до новой эры! Непроизвольно, даже не сознавая того.

Правда, это не скоро придёт, но те немногие и такие вроде бы недолгие недели будут вспоминаться как самые счастливые в жизни. Возможно, счастливые – слишком громко и не слишком точно. Самые насыщенные, самые памятные, самые волнующие! А впрочем... может, это и есть счастье? Трудное счастье... И останется оно в них навсегда. В смехе застольных воспоминаний: «А помнишь?..». В их истрепанных нервах. В душе, надорванной, но – просветлённой...

В конце сентября станичный атаман Бубнов, вернувшийся из Иркутска с Атаманского совета, привез приказ по ИКВ: по представлению Атамана Черноморского казачьего войска Смолину и Михайлову был досрочно присвоен очередной чин «подьесаул», они были награждены крестом «За возрождение казачества» II степени ...на Георгиевской ленте!

Л. Леонов. «Русичи при Днестре». «Советская Россия», 2 сентября 2000 г.

«...Приднестровье не только отстаивало свою свободу, оно защищало и Россию. Не будь ПМР, Россия навсегда была бы отброшена со своих исторических южных рубежей. Приднестровье компенсирует неспособность сейчас защитить или хотя бы правильно осознать свои коренные интересы в этом регионе, и даёт ей возможность выиграть время, чтобы собраться с силами и мыслями. При этом ничего не требуя взамен. Так сыновья стоят за свою ослабевшую мать. И когда приднестровцы говорят: «Мы дети твои, Россия», - это не звучит просительно, это звучит гордо».

...Только по приезду домой узнали они о похоронах Сергея Васильева и Олега Халтурина, посмертно удостоенных крестом Союза казаков «За возрождение казачества» I-ой степени и медалью правительства Приднестровской Молдавской Республики «Защитнику Приднестровья».

По желанию близких гроб с телом Олега был сопровожден конвоем иркутских и забайкальских казаков в родное село Большой Нарын, что в Джидинском районе Бурятии. Он был похоронен по православному обычаю с отданием казачьих и воинских почестей. А как схоронили Васильева, поведал «Советник» - Игорь Кушелев:

«Цинковый гроб с телом Васильева казаки Иркутска получили 3 июля в аэропорту. Стояла жара, времени со дня гибели Сергея прошло много, и все было готово, чтоб похоронить его в тот же день. Просторный двор управы ИКВ не мог вместить огромного стечения жителей Иркутска, пришедших проститься со своим земляком, погибшем в бою за свободу и правое дело. У площади Горького, что рядом с управой, стояли скорбные шеренги казаков – все казаки Иркутска, ближайших городов и сёл, со всей области от каждой станицы войска прибыли казаки. Очень много. Сотни! Такого количества казаков и сразу, Иркутску ещё не доводилось видеть. Представители патриотических, различных общественно-политических организаций, союзов и партий, писатели, корреспонденты газет и телевидения, деятели культуры и искусства – все были здесь, всех объединила одна беда и скорбь. Полное игнорирование было только от властей города и области. Сергея отпел войсковой священник протоиерей отец Каллиник, прошла гражданская панихида. О борьбе приднестровцев, о трагедии Бендер, в котором, защищая его любимый город, и сейчас продолжают сражаться почти полтора десятка иркутян, рассказал бендерчанин Валера – черноморский казак, вместе с Колей Терёхиным сопроводивший Сережку Васильева к родной земле. С дрожью в голосе, сдерживая слёзы, выступил и Терёхин.

И вот гроб под гортанные звуки русских боевых труб и барабанов Театра народной драмы, в городе более известном как театр Дрожжина, казаки на плечах понесли по центральной улице Иркутска к Вечному огню – памятнику воинской славы. Растянувшаяся по улице Ленина почти двухтысячная траурная процессия не мешала проезду, водители сами останавливали свои машины, сигналами отдавая почести погибшему земляку. Тротуары были полны стоявшими на них иркутянами.

Недалеко от здания мэрии похоронная процессия неожиданно столкнулась с автомобильной пробкой, искусственно созданной милицией: накануне – в самый последний момент! - казакам не разрешили пронести гроб по этому маршруту, и когда они всё-таки

пошли, застывшая многорядная колонна маршрутных ЛИАЗов и различных машин наглухо перекрыла дорогу, парализовав движение транспорта по центру города. Казаки атаманской сотни, обеспечивавшие порядок во время прохождения, подошли к первому стоявшему на дороге автобусу.

- Почему не едем дальше? - поинтересовались они.

- Да пошли вы... казляки!.. - презрительно цвыркнув в их сторону слюнявой сигаркой, злобно буркнул красномордый «водила». Лучшие бы он этого не делал...

По лобовому стеклу автобуса хлестанула нагайка. Тяжелым, звонким шорохом оно разлетелось на сотни мелких кубиков. Опешившего водителя казаки одним махом вышвырнули из кабины на асфальт. Несколько пинков, ударов нагайками на виду у других ошалевших шоферов, и стоявшие в оцепенении машины, не обращая внимания на размахивания рук, вдруг забегавших меж ними орущих «ментов», дружно тронулись, стали разъезжаться, освобождая дорогу похоронной процессии. Стоявшие, задержанные этой пробкой, водители других машин в знак благодарности и солидарности с казаками загудели клаксонами. «Ментов» с дороги, как корова языком слизала. С тротуара раздались аплодисменты...

Не было милиции видно и на площади перед «Серым домом» - тяжеловесным мрачным зданием областной государственной власти, построенным на месте взорванного Казанского кафедрального собора, который в Иркутске за красоту и величавость называли восьмым чудом света. «Серый дом» спиной своей громадины прижал к берегу Ангары Вечный огонь, сейчас он был полукольцом окружен милицейскими ПМГэшками, и вращающиеся мигалки создавали ему мистически сверкающий фиолетовыми блёстками фон...

Гроб установили на гранитном парапете как раз напротив пламени, и метрах в пятидесяти от него казаки стали выстраиваться для прохождения торжественным маршем – с отдаванием последних воинских почестей погибшему. Но на линию предстоявшего движения казачьей колонны неожиданно вышел милицейский подполковник, а в нескольких метрах от него встал некто в штатском...

- Товарищ подполковник, Вы будете мешать прохождению колонны, – подошел к нему один из казачьих офицеров. – Отойдите, пожалуйста, в сторону.

- Не указывайте мне тут!.. – Последовал ответ. – Где хочу – там и стою! – резко прозвучал голос милицейского чинуши в наступившей тишине.

Хамство в государственном мундире – это особое явление российского повседневья. Когда простой человек – рядовой гражданин своей страны, сталкивается с ним, он, обычно, теряется. А что он может сделать? Мундир-то, а тем паче, милицейский, охраняется Законом (!) и жаловаться некому...

К подполковнику подошел ещё один казак, хотел тоже что-то сказать, но тот, не скрывая прущего из него высокомерия, презрительно взглянул и повернулся спиной. И тогда казак, не долго думая, врезал ему сапогом хорошего пинка под задницу... «Мент», никак не ожидавший такого оборота дела, отскочил и ошалело посмотрел по сторонам... Кругом мигали ПМГэшки, человек в штатском, ничего не предпринимая, держал руки в карманах, милиционеры молча смотрели на него. Молодые парни с такими же погонами, какие ещё недавно носил Сергей Васильев, его защищать не собирались. И хам испугался...

Казачья колонна, повинувшись команде, чеканя строевой шаг и отдавая честь погибшему собрату, в торжественном и скорбном молчании прошла мимо гроба.

...На Александровское кладбище приехали уже часам к пяти. Для погребения всё было готово, но мама Сергея Васильева неожиданно попросила вскрыть цинковый гроб.

-...А вдруг там не Серёжа? - прошла она между казаками, понуро опустившими головы, отводя глаза в сторону...

Она настояла и, когда цинк вскрыли, увидела мертвого сына. Он был одет в новый маскхалат и лежал в деревянном гробу, аккуратно оббитом красным материалом. На лице Сергея оспинами виднелись следы от осколков мины, которые, возможно, и оказались смертельными. Но раны его не обезобразили: лицо было спокойным и просветленным. Значит, последнюю секунду жизни Сергей прожил с легким сердцем... И хорошо представилось вдохновение, с которым он шел в тот первый – такой долгожданный! – для него бой...». [*8].

Уж какое десятилетие, но помнят в России о самом страшном дне XX века – 22 июня. И неважно, отмечали или отмечают его официально или нет. Много позже назовут этот день Днём памяти и скорби. Но, увы, так уж сложилось, что в России больше знают о холокосте или геноциде армян, чем правду – истинную правду! – о трагедии первых дней Великой Отечественной... У иркутских казаков будет ещё одна дата. Без отметки в календаре. Это – 19-е ИЮНЯ. Дата, мало кому известная в России. Отмечает её лишь народ Приднестровья – с болью в сердце, – и добровольцы-«приднестровцы». Этот день назовут Днём Бендерской трагедии. Будут звать и Днём памяти защитников города Бендеры. Казаки этот день будут считать ещё и Днём возрождения ратной казачьей славы. Этот день – день мужества Русского солдата и несгибаемой воли Русского народа!..

...Память о погибших боевых друзьях на всю жизнь останется с ними. О всех – поименно! Каждый год в день его гибели, казаки Иркутска приходят к могилке Серёжки Васильева, поминают Олега Халтурина и считающегося без вести пропавшим Женю Балабанова. Погибший в одном бою вместе с Олежкой черноморский казак из Тирасполя Сергей Корабельников – «Огонёк», станет побратимом всем казакам Иркутского войска! В память о погибших героях в Тирасполе одной из станиц ЧКВ дадут имя Семёна Дриглова, другая будет названа именем Олега Оттингера. Пройдёт время, и у Иркутского войска появятся именные станицы, посольские: в Ростове-на-Дону – имени Олега Халтурина, а в Хабаровске – имени Сергея Корабельникова – о ратном подвиге приднестровцев, подвиге во имя величия России узнают и на Дальнем Востоке!

Сергей Ильченко, экс-советник по вопросам политики Президента РМ В.Воронина:

«Приднестровье в 1992 году отстояло не только собственную свободу, отстояло права и русскоязычных жителей правого берега. Ведь нас готовили к прибалтийскому варианту. Нас готовили к статусу неграждан. ...За эти годы граница по Днестру прошла не столько по карте, сколько в умах людей. Произошла поляризация. И объединить эти два куска практически невозможно! Потому что люди на разных берегах уже совершенно разные. Здесь те, кто никогда не примирится с властью Кишинева».

...Стоял декабрьский, до треска морозный день уходящего 1992 года. В связи с приездом в станицу Атамана ИКВ, войсковой старшина Валерий Бубнов созвал казаков на сход, назначенный в актовом зале Усть-Илимского горвоенкомата. Повод – более чем торжественный. В присутствии почетных гостей, оказавших большую помощь делу становления казачества: мэра Анатолия Дубаса, его заместителей Рубина Баширова, Геннадия Иванцова и Александра Юношева, военкома полковника Анатолия Вальтера и начальника ГУВД полковника Игоря Граната, казачий полковник Николай Меринов, зачитав приказ Атамана Союза казаков России, вручил группе усть-илимских казаков кресты «За оборону Приднестровья». Кресты – на Георгиевской ленте.

- ...Служу Отечеству!

Нет, отнюдь не по случайности, а по Божьему промыслу, это было как раз в день забытого дореволюционного праздника – Дня Георгиевского кавалера. Через два десятилетия о нём вспомнят, и назовут Днём Героя России...

Поздравляя, им говорили много красивых, возвышенных фраз, но – в глазах их не было особой радости. И кто это заметил, не все поняли, почему...

А вечером, после небольшого фуршета, и проводив Войскового атамана на поезд, новоявленные кавалеры-соратники собрались своим узким «походным кругом» на квартире у своего командира, чтобы по обычаю «обмыть» полученные награды.

- ...Я этому толстопузу в ответ, как пример, и говорю: представь, ты с женой идешь по улице и видишь, что какой-то пьяный ублюдок пристает к девушке, да ещё и руки распустил. Что делать будешь? Как на халявное шоу пялиться, а как «менты» подспеют, сразу же и свалишь, чтоб свидетелем не засветиться?.. Или, отворотив свою рожу, быстренько мимо прошмыгнешь? И, если раньше ты был для своей жены настоящим

мужчиной, – мужчиной с большой буквы! – то после этого кем станешь в её глазах, а? ...Или всё же, спрашиваю его, заступишься за ту девушку? То-то же! А потом сами же со свойственным ново-русским подсчётом и сетуете: «Ай-яй-яй, что ж это делается? – процент героев на душу населения заметно упал!..»

- Да, не стоят они этого, Боря! Те, кто спрашивает: зачем мы туда поехали, изначально не предрасположены понять, как ты им ни объясняй!..

- Не только в сознании, но и в душе их такое понятие, как защита Родины, уже напрочь вытравлено «зеленью».

- ...Эти-то ныне быстро живут - без прошлого. Жизнь вещами меряют. Потому и само понятие «патриотизм» воспринимают с сарказмом...

- Во-во! Дед мне рассказывал, в Отечественную встречал в тылу таких – «Жизнь за Родину отдам, а на фронт не поеду!»

М. Корнев. «За честь сего времени, за Русскую Землю!» Изд. «Логос», г.Москва, 1992 г.

«...Подумай, земляк, пораскинь мозгами, загляни себе в душу: оно, конечно, спокойнее лёжачи с похмелья на диване до одури пялиться в ящик на «мыльную» Марианну с Альберто; оно, конечно, ловчее быть с боку прилёку, отмахиваясь: «А чо я могу сделать? А чо я там забыл, в этом Приднестровье?» И не тешь себя надеждой: мол, вот когда в Иркутске что начнется, уж тогда я встану. Не встанешь! Если в душе нет ни русского образа, ни молитвы, ни боли за ВСЁ Отечество – ни хрена ты не встанешь!..»

- ...И ведь хрен-два разубедишь таких – убеждены твердо! – коль поехали на войну САМИ, то явно за деньгами. И только! Как наёмники. А иначе, мол, нафига психически здоровым мужикам сознательно обрекать себя на смерть?

- Слышь, станичники, вы ещё не видели, что опять наша «любимая» **«Советская молодежь»** выдала – ну не газета, а прям какая-то безбашенная скандалистка. Батька из Иркутска сегодня привез, передал. ...Э-э, где же это? А, вот: «...Если быть точным, то участие иркутских казаков в событиях в Приднестровье по международному праву трактуется как **«участие в незаконных вооруженных формированиях»**, но за это в России почему-то не судят»... В общем, тему «молодёжка» раскрыла в духе «Московского комсомольца» - мякина для обывателя, и брызги грязи...

За столом все враз и шумно заговорили.

- ...Оно и понятно: видать, из одного кармана кормятся!

- А ты обрати-ка внимание, у членов редколлегии какого рода-племени фамилии? ...Там, на последней странице.

- Да видел я – сплошные «штейны»! Но – независимо от национальности, некоторые из нашей доморощенной «демократической интеллигенции» до сих пор не могут понять, что стали добровольными пособниками молдавского фашизма!..

- Стоп, стоп! Подождите-ка шуметь, господа кавалеры! – Закипающие было заново дебаты, на полуслове прервал Смолин. – Внимание! А то позабуду... - Все удивлённо притихли. – Пока мы все здесь в сборе, передаю вам большой привет из Тирасполя! Вадиму со Славкой я уж говорил, что вчера Бенещук, наш командир, звонил. Пока не забыл, он, кроме прочего, свежий анекдот рассказал. О сегодняшних днях в Бендерах. Слушайте: «Просыпается утром старый молдаванин, живущий, допустим, на Борисовке. И начинает соображать: что-то не так... Во-первых, выспался, значит, хорошо спал, потому как ночью миномёты не били, и стрельбы не было слышно. Выглядывает в окно – надо же: по двору пьяные волонтеры не валяются?! Подходит к водопроводному крану, поворачивает его – есть вода?! Подскакивает к выключателю, щелкает, и – о, чудо! – свет есть! Бежит на кухню, поворачивает вентиль плиты, дрожащей рукой чиркает спичкой – горит газ! В ужасе ломится из кухни в спальню: – Стелуца, вставай, звездочка, какой ужас – эти красные сепаратисты снова здесь!!!»

Хохот грохнул так, что хрустальные висюльки на люстре испуганно звякнули.

- Погодите... Да погодите вы ржать! Володя ещё такую уматную хохму сообщил – вообще попадаете! А я так просто офигел! Значица, так!.. – сымитировав Глеба Жеглова, продолжил

Влад. - Недавно «Беня» ездил по каким-то своим делам в Кишинёв. Втихаря, конечно, ездил. Так на площади, где Штефан Великий стоит, увидел огромный стенд с фотографиями – семьдесят две штуки насчитал! – «Военные преступники Молдовы». А сейчас приколитесь: там, оказывается, и наши физиономии висят. То есть – ваши! Шесть штук насчитал. Каково, а? – Улыбаясь, Влад лукавым взором обвёл своих друзей-соратников.

Весёлый настрой Смолина им почему-то не передался. Все внимательно смотрели на него: это что – шутка? Вопрос был, как говорится, конечно, интересный. Это и читалось на их лицах.

- Как это?.. – В повисшую тишину недоумения вкрался чей-то голос.

- Вот и я о том же, - бодро ответил Влад. – И «Беня» спросил: где же это вы, братцы, засветились? Причем, сказал, что под фото были написаны лишь ваши боевые кликухи или позывные, «казак из Сибири», и «группа «Филин».

- А чьи? Кто? – и покосились на Михайлова – в группе ведь только у него был фотоаппарат.

- Влад, а ты не брешешь?

- Даже и не думал. А кто – мне и самому интересно. Володя сказал, что моей физиономии, там уж точно не было. Да и откуда ей там быть? Иначе, я бы, наверное, примлел от гордости, - Влад рассмеялся.

- Ты шибко-то не веселись, - заулыбавшись, шутливым укором хмыкнул Вадим. Его отчего-то вдруг развеселила крайняя фраза Влада. – У тебя, мил-человек, ещё всё впереди...

- А-а-а, я понял, чьи это уши... – озарённый догадкой, протяжно сказал Иосиф, откидываясь на спинку дивана. – Я как знал, что отказался тогда фотографироваться. Не понравился он мне... Помните, как где-то за неделю до отъезда, с вокзала к нам на «базу» Притула приводил «импортного» журналиста?..

- Это рыжего такого, патлатого?..

- Ну да – американца. Как его, Чарли, кажется?

- Ага, ещё удивлялись: американец, а работает в немецком журнале «Штерн».

- Да, наверняка, ЦРУшником он был.

- Точно - под журналиста «косил»...

- Но тупой какой-то. Это же ты, Иосиф, его «двоечником» обозвал?

- А то, - ответил Брагинович. - Если он не имеет понятия не только о существовании Ангары или Иркутска, но даже о том, где Байкал находится! А как услышал «Сибирь», то как придурок закривлялся: «Йес! Сибирр, Сибирр! Бр-р-р!.. Казак Сибирр, о*кей, ка-ра-шо!» Тыфу,паскуда! Какого ляда вам надо было ещё под его объектив лезть?

Вот он ваши фото-фейсы и «слил» кишинёвской «сигуранце»...

- Вот ведь, с-сука! А ещё ел-пил с нами...

- Да не «грузитесь» вы. Было б о чём.

Подумаешь, с оказией да чохом под запарку и нас туда до кучи... Блажь всё это – плюньте! Ну, а если уж и взаправду они так оценили наши – ха-ха! – «заслуги» перед Молдовой, то, значит, как говорится, «помнит собака палку»! И этим можно лишь гордиться, - Будунов, как всегда степенно, подвёл итог этому разговору. – Давайте-ка, казаки, лучше выпьем. За нас с вами и за!.. – Борис, как на

Казаки-добровольцы ИКВ,

участвовавшие в защите Приднестровья:

*войсковой старшина И. Кушелев (ранен),
вахмистр О.Васильев (погиб),
сотник А.Бальбуцев,
хорунжий О.Халтурин (погиб),
казак Е.Балабанов (погиб/без вести пропал),
вахмистр Н.Терёхин (ранен, умер после войны),
хорунжий А.Малых (ранен, умер после войны),
урядник В.Филиппов,
вахмистр В.Ашихмин (ранен),
казак В.Туманов (умер после войны),
сотник Е. Медведев,
сотник В.Смольников,
есаул В.Лазарев,
сотник И.Абрагимович,
хорунжий Б.Бодунов (умер после войны),
хорунжий А.Ивахно (погиб после войны),
вахмистр А.Шляхтуров (погиб после войны),
казак А.Куликов (умер после войны),
сотник А.Шумский,
войсковой старшина Г.Платонов (ранен),
есаул А.Смирнов,
есаул В.Ходосов,
старший урядник М.Акчемкин,
сотник С.Мельников,
сотник С.Петров,
сотник Э.Сафронов (погиб после войны),
подъесаул А.Власенский,
подхорунжий С.Зуев.*

высокой ноте, сделал паузу...

- ...Хрен с ними!!! - разом рывкнули казаки, закончив известный тост.

Л. Леонов. «Русичи при Днестре». «Советская Россия», 2 сентября 2000 г.

«...Возьмём день сегодняшний. В Бессарабии участники войны 1992 года приравнены в правах к участникам Великой Отечественной войны. А точнее говоря – к тем, кто ...вместе с румынскими войсками Антонеску служил гитлеровскому Третьему рейху! «Героям, погибшим за независимость родины» воздвигнут и свой мемориал – крест Памяти у села Стояновка, где в 1941 году полегли более 10 тысяч румынских завоевателей. Для них, и для «новых ветеранов» теперь в Кишиневе устраивается свой праздник, который как бы в насмешку и в назидание проводится 9 мая...»

- ...Влад! А что Беня ещё рассказывал? Как Приднестровье сегодня-то живет?

- А что там рассказывать? – очень трудно живёт. Одним словом – выживает. Республика-то до сих пор не признана. И отрезана от мира. С одной стороны – враги: Молдова с Румынией, с которыми ни мира, ни войны, с другой – предательская Хохляндия. Приднестровцы только и уповают на Россию, но и ей, похоже, по фигуре это Приднестровье!

- То ли трусость, то ли тупость наших политиков порой просто поражают, - продолжая тему, сказал Михайлов. – А все их объяснения, видимо, рассчитаны лишь на то, что «пипл всё схавает». Ведь Москва на признаёт ПМР на том основании, что республика эта, мол, «незаконная», «самопровозглашенная», то есть вопреки международному праву отрицается право народов самим провозглашать свою независимость. Отсюда возникает вопрос: а кто должен тогда провозглашать свою независимость, как ни сам, живущий на этой земле народ? Если провести аналогию, то наш Бориска мог бы заявить и Бушу, что США он не признаёт – ведь страна эта тоже, мало того, что «самопровозглашенная», так ещё и североамериканские «сепаратисты» 200 лет назад нарушили «территориальную целостность» Британской короны. То есть получается, что – Штаты тоже «незаконное» государство? Маразм!

- Да, пока ПМР ни признают, пока Россия и Украина ни обратят на неё внимание, до тех пор нормальной жизни там точно не будет, – с тяжелым взглядом добавил Смолин. – Помните, ещё Толик Чалый нам говорил: «...Нэнька-Украйна нас придала. Уси надиджи на тэ, що прогресивни народи свиту, побачивши си звирства, румын осудять – все це фигня. За вси часи завжди поважали силу. Якщо б республика була сильною, вона могла ризати наливо и направо, можливо з ними рахувалися б. Поки республика не признана, ситуація тут не зміниться...»

- Давайте-ка, братья, помянем нашего богатыря Толика. Вечная ему и светлая память! Третий тост, господа! За всех!..

Третий тост... Его не говорят, при нём не чокаются. Его поднимают молча – за погибших в боях товарищей, – всякий раз так отдавая им особую воинскую почесть.

Казаки молча поднялись со своих мест. Лица их застыли, стали отрешенными, а взгляд – будто внутрь себя. Но – неимоверно выразительный! – прочесть в нём можно было многое. Бывают минуты, когда потаенные чувства дают о себе знать, проглядывают наружу. Вот и сейчас, за эти несколько молчаливых секунд, в остановившихся, задумчивых взорах казаков болью отразилась жестокая правда той страшной войны. Каждый думал о чём-то своём, но вспоминали они одно...

В скорбной тишине, на секунду задерживаясь в руках, хрустальная братина вновь поплыла по кругу...

А.Г. Мартынов, Атаман Союза казаков России.

*«Решением Совета Атаманов Союза казаков все казаки – участники боевых действий – были награждены Крестом «За оборону Приднестровья». Погибшие (посмертно) и наиболее отличившиеся в боях были награждены орденом «За Веру, Волю и Отечество», Крестом «За возрождение казачества» на Георгиевской ленте. (*Кроме того, погибшие и получившие*

ранения казаки-добровольцы, Указом Президента ПМР награждены медалью «Защитнику Приднестровья»). *Походный атаман Союза казаков полковник В.В. Наумов впоследствии был награжден Президентом ПМР И.Н. Смирновым орденом «За личное мужество».* [*15].

- ...Слышь, Михалыч, мы тут чего-то не поняли: а ты-то когда Крест получил? – повернувшись к Михайлову, спросил Лекарев, усиленно закусывая после пущенной по третьему кругу, приспособленной под братину, глубокой хрустальной чаши, на дне которой золотым ворохом лежали награды. - Когда нам вручали, я в зал посмотрел, а ты уже кавалер... Батяка в приказе-то тебя зачитал, а вот чтоб ты подходил к нему за Крестом и Наградной грамотой – не помним мы что-то...

- Ну, это я расскажу обязательно, только пусть вначале Влад расскажет, что и как он уже без нас там нахулиганил, да заодно ввел в позор всю румынскую «сигуранцу» вместе с кишиневским спецназом... Как он там у них назывался: «Зорро», что ли? А, вспомнил – «Зет»! – и хитро улыбаясь, Вадим спросил, смотря на Смолина: - Скажи нам, мил-человек, как же ты ихнего полковника-то «завалил»?..

- Какого... полковника?.. – Влад с набитым ртом перестал жевать. Все казаки за столом настороженно притихли и с интересом посмотрели на него.

- Ну, ведь предлагали же «румыны» за твою голову десять тысяч «зеленых»... Припомни, когда это было?.. Чем ты им стал так «дорог»?.. Может, обидел кого?.. – с дружеской ехидцей Вадим закидывал вопросами обалдевшего Влада. – Я ж пять минут назад предупреждал тебя: рано радуешься...

- Михалыч, хорош выёживаться! – казаки не выдержали, и оживленно вразной загалдели:

- ...Говори, какой еще полковник? Чего молчишь, Влад?..

- ...Влад, ты что, действительно так много стоишь?

- ...Вадим, ты не знаешь, там цена на него еще не упала?.. – с пересмехом начали «прикалываться» за столом. - Влад, отвечай обществу, а то еще минуту помолчишь, так мы тебя сами за полцены сдадим...

- Ладно вам... Подождите, сам расскажу, что узнал. А Влад дополнит, – улыбаясь, сказал Михайлов. – Но перед этим, господа, предлагаю пустить нашу братину за то, чтоб «нэнька-Украйна», родина нашего братушки Толика, всё же стала для России братом – верую в это, придёт тот час! И за всех её сыновей-героев, истинных патриотов Святой Руси, с кем свела нас судьба! И за... Молдавию, чтоб и к её народу скорей пришло прозрение!

Е. Бершин, журналист, г. Москва.

«...Ее обнищавший за годы независимости народ, расплываясь по миру в поисках заработка и куска хлеба, уже готов говорить на любом языке - лишь бы выжить... Вся внешняя и внутренняя политика ведется под присмотром различных международных организаций. Даже собственный бюджет принимается под диктовку Международного Валютного Фонда. ...В самой Молдавии все разрушено, западные кредиты проедены и разворованы, долгов - два миллиарда долларов, и что делать дальше - никто не знает. ... Крестьяне из молдавских сел, в том числе из Кочиер и Кошницы, оставшихся под юрисдикцией Молдавии, сотнями приходят в Дубоссары и просят хоть какой-нибудь работы на полях. Без денег. За продукты. ...Жаль, что земля, родившая Григория Котовского, не рождает больше мстителей...» [*9].

- ...Ты же помнишь, Влад, почти две недели назад я по работе в командировку летал? – начал рассказывать Вадим. - Так я перед этим Меринову позвонил, сказал, что буду в Иркутске, а вечером уже в Москву лечу. Спросил, может чего передать нужно в Союз казаков? Он мне в управе и вручил какой-то пакет, просил передать лично Володе Наумову, ну вы знаете – Походный атаман, дал его телефоны. На следующий день по прилету в Москву позвонил я ему. Он уже Мериновым был предупрежден обо мне. Оказалось, что кабинет Наумова в Моссовете – в красном доме напротив памятника князю Юрию Долгорукому. У Наумова сидел еще один

человек – такой крепкий, кряжистый, с густой седой шевелюрой, представился по фамилии – Кондратьев. В пакете, что я передал, оказались... тридцать два наградных листа! На всех иркутян, кто воевал в Приднестровье. Как я понял, кресты «За оборону Приднестровья» были только на днях изготовлены «Монетным двором» и доставлены Наумову, у него весь сейф был ими забит... Так что, мне было им поручено доставить награды в Иркутск. Кстати, вы уж извините, но Меринов просил меня не говорить об этом раньше времени... Так вот, тот седой, что был у Наумова – я почему-то, несмотря на его гражданский «прикид», понял, что это военный, чувствовалось в нем сильная, властная натура и эдакая «военная косточка» – стал с интересом спрашивать меня о Бендерах, о боях... Хотя по его вопросам я подумал, что он знает гораздо больше, чем мы с вами вместе взятые... А тут Наумов еще сказал ему, что нас звали там «группой «Филин», - это уже после нашего отъезда название, как по эстафете, на Влада и его ребят перешло... – он так оживился! Начал о группе расспрашивать. Услышав фамилию «Смолин», стал лихорадочно что-то вспоминать... «Постой-постой, - говорит, - Владимир Владимирович, это не тот ли Смолин?..» «Да, тот, - отвечает Наумов, - который «третья сила», и что румынского полковника «завалил»... Ну, Влад, и шума же ты, оказывается, наделал – на всю Молдову с Румынией!.. Впрочем, как мне рассказали, тот полковник в Румынии был какой-то «шишкой» в спецколе ихней «сигуранцы», в которой готовили спецназ, диверсантов... Так вот, приехал этот полковник в Бендеры, посмотреть на своих питомцев, как они его «науку» на практике освоили. И в первый же свой выход взял да и попался Владу на мушку... Это уже после нашего отъезда было. Так что, Влад, давай «колись» перед обществом, как дело-то было?.. – закончил свой рассказ Вадим.

- Ну, ни ф-фига себе!.. – ошарашено, растягивая слова, проговорил Влад. Он был в полной растерянности. – Да я в точности и не помню уже... Вообще-то был какой-то странный «кипиш» у «румын», вплоть до того, что нам по телефонам визжали – требовали выдать им кого-то... – я же не знал, что меня! – недоумение не сходило с лица Смолина, – ...вроде бы даже цену назначили. Притула их, конечно, послал по всем известному адресу ...и ещё куда-то подальше. Так они, суки, нас потом почти полдня долбили! Успокоились только, когда над городом пара «Ми – двадцать четвертых» 14-й армии стала ходить. ...А откуда я знал, что это полковник? Если бы Вадик сейчас не сказал – я и дальше бы ничего не знал! Случайно все произошло...

- Хм... Случайно, говоришь? – хмыкнул Славка. – С некоторых пор я, знаете ли, полюбил случайности. И стал им верить. В них, понял, часто промысел Божий кроется. Ты, Влад, пред нами особо не рисуйся – уж мы-то знаем, от чего-чего, а от скромности ты не помрешь. Давай рассказывай. Мы слушаем.

- Та пятиэтажка долго ничейной была – в нейтральной зоне стояла, а потом в нее «румыны» зашли, – начал Смолин свой рассказ. – Мы этого не знали, и случайно на них наткнулись. Зашли вечером с их тыла, когда с рейда выходили... Они чего-то расслабились – никакого охранения даже не выставили!.. Нас увидели, когда мы уже внутри были и стрелять по ним начали. Они шустро, как тараканы, и драпанули со второго этажа через окна... Никого из них даже зацепить не успели! А через пару минут с той стороны, куда они побежали, слышим, огонь открыли. Видать, и там они на кого-то напоролась... На ночь решили остаться в этом доме, отдохнуть, осмотреться. А под утро уже, только-только начал брезжить рассвет – вижу из окна, как в полумраке со стороны румынских позиций идет какая-то группа, человек восемьдесят было... Уже метров с тридцати, когда они свернули и по дворику мимо окон пошли, рассмотрел их. Двигались чуть уступом, грамотно разобрав сектора, и прикрывая друг друга. Шли тихо, по-кошачьи, настороженно крутя головами во все стороны, то и дело синхронно замирали, слушали. И экипировочка у них – во! – что надо: армейские «разгрузки», под ними «бронники», автоматы с «подствольниками». Сразу видно – парни опытные, профессионалы. Все как на подбор, здоровяки. Я ещё мельком подумал: может разведгруппа 14-й армии? Но что-то не вязалось... Опа! – да у них автоматы с ручкой на цевье – румынские! И камуфляжки уж больно непривычной расцветки. И ещё: один, тот, что в центре шел, по возрасту был явно старше других, а на голове у него вместо берета, как у других, шляпа – ну, военная «южная» панама с полями. Создалось впечатление, что его тщательно охраняют, потому-то в «коробочку»

и поставили. Они мимо уже почти прошли, я вдогонку только и успел всадить ему в спину очередь из своего АКэМа... «Шляпа» взмахнул руками и рухнул. Уж очень хлипким оказался его «бронник» против моего 7,62... Остальные тут же такой огонь открыли – жуть! И из «подствольников»!.. Как тут всё рвануло! А нас-то только пятеро, и ни одной «Мухи» даже не было. Ну, мы, не приняв боя, быстренько оттуда «ноги сделали» - жить-то хот-ца! А там еще долго пальба шла! Так что, случайно это всё...

- Влад, вот за эту «случайность», выражая благодарность, от его имени меня просил позвать тебе руку замминистра обороны России, что я с удовольствием и делаю. – Вадим встал, и под изумленные взгляды казаков через стол протянул Владу руку. – По всем данным, как сказал Кондратьев, прикрываясь перемирием, и свалив после содеянное на пресловутую и таинственную «третью силу», они готовили какую-то провокацию против 14-й армии, но благодаря этой твоей случайности она не состоялась. И ещё: всем вам, то есть нам, – продолжил Вадим, – он просил передать признательность и наилучшие пожелания!..

- Ура! – громко сказал Лекарев.

- Ура! Ура! Ура!.. – встав из-за стола, дружно и восхищенно прокричали казаки.

Предугадывая вопрос, Вадим, сразу же обведя всех взглядом, добавил:

- Тот седой, что был в кабинете у Наумова, им и оказался – генерал-полковник Кондратьев, замминистра обороны России. Но была настоятельная просьба: пока это все не афишировать. Еще не время. Может, когда-то через много лет, об этом можно будет говорить. Как и о рассказанном ими: о наших добровольцах в Южной Осетии, и кто и как освобождал Абхазию, отчего, потеснённые почти до российской границы, абхазы вдруг в одночасье перешли в контрнаступление, громя грузинские части, и, в конце концов, вышвырнув их аж за Сухуми. Наумов рассказал и о таинственной и неуловимой «третьей силе» в Бендерах. Но об этом вам Влад лучше расскажет. Много интересного они рассказали, но об этом потом. А отвечая на твой вопрос, Славка, скажу: вот он-то, Кондратьев, собственноручно там и приколот мне к джинсовой куртке крест, а Наумов вручил наградную грамоту. Ну, мы там сразу и обмыли это дело... Кстати, посмотрите на свои грамоты. Видите их номера? Иркутяне одними из первых получили эти кресты. Как Влад сказал: «случайно» – но!..

- Борис! Наполняй «братину»! – поднявшись, сказал Лекарев, бережно держа в руках хрустальную чашу. – За нашу победу! За тех, кому мы обязаны этой наградой: за братков наших с Днестра, Дона, Кубани, Терека, Урала, Сибири – достойных большей награды!.. За всех, живых и погибших, чью славу мы привезли с собой, и... **слава Богу, что мы казаки!**

Владимир Наумов, полковник, товарищ Верховного атамана Союза казаков России, «Русский Вестник», № 51, 2000 г.

«...Поглощению Молдавии Румынией мешает лишь существование Приднестровской Молдавской Республики – узкой полосы Русской земли вдоль левого берега Днестра, где впервые наш народ нанёс удар силам нового мирового порядка по-американски. Уже десять лет военными, экономическими, политическими средствами пытаются враги сломить героическое Приднестровье, но оно стоит вопреки всему. ... Сегодня, учитывая угрозу безопасности и независимости нашего государства, а также самому существованию нашего народа, жизненно важно укрепить военно-политические позиции Российской Федерации в Приднестровье... Приднестровская Молдавская Республика есть передовой бастион России, сдерживающий приближение врагов к нашим границам, ломающий их боевые порядки».

- ...Ну что, братья, а вспомним-ка нашу – иркутско-приднестровскую? Любо, а?.. «Брат», запевай!..

...Вспоминаю таёжные

Ангары зелена...

Ой, земля Приднестровская,

Ты теперь мне родня... - протяжно затянул Иосиф.

Здесь Россия Суворова!.. - разом подхватили казаки полюбившуюся песню!

**Слава дедов – не дым.
 Поубавится норова
 У фашистов-«румын»!**

**Степь в огне молдавнская.
 Где ж родимый порог?
 Ой, ты, доля славянская!
 Всё равно с нами Бог!**

**Новичок или раненый,
 Мы в бою, как один.
 Казака-иркутянина**

Будет помнить «румын»! -...здесь парни так хватанули, что по подъезду будто громовое эхо разнеслось!..

**За садами, ковылями
 Рыщет смерть от огня...
 Как Серёгу Васильева
 Похоронят меня...**

**Эх, казачьею лавою
 Навалиться – ура-а!..
 Мы за Русь Православную**

Постойм у Днестра! – последний куплет казаки пропели на пике воодушевления, дружно встав из-за стола: - Ур-ра-а!..

Н. Меринов, Атаман Иркутского казачьего войска (1991-98 гг.)

«Не скрою, что отправляя казаков в Приднестровье, мы, с учетом осложнения ситуации на Юге России, полагали получить в войска боевой командный состав. В чём-то наши надежды оправдались. И предвидение развития событий на Северном Кавказе – тоже.

Но по окончании боевых действий в Приднестровье, в казачьи войска хлынул поток советников и советчиков, насаждая, порожденный Березовским, т.н. государственный реестр, в данной редакции являющийся тупиковым для казачества. Воспользовавшись нашими просчетами и погрешностями в работе с казаками, на добровольцев - участников той войны пристальное внимание обратили демкруги, как российские, так и из-за рубежа. Результат их «работы»: буквально за несколько лет более половины «приднестровцев» запили или ушли в «реестр», иные занялись охраной новых «буржуинов», а других заставили потихоньку уйти «на покой». Но часть по-прежнему осталась в строю...»

Лет десять назад, когда Михайлов впервые познакомился с «афганцами», он всё силился понять, почему они возвращаются оттуда совсем другими людьми. С иным отношением к жизни, к людям. Кое-что, как ему казалось, всё же понимал. Но понимал, что понимает чисто теоретически. Может быть, и из-за этого тоже, но он тем парням даже немножко завидовал. И вот только сейчас Вадим несколько приблизился к тому их пониманию жизни, почему и в мирное время они ...словно в бою. И чем дальше в лета уходили от него Бендеры, тем яснее и крепче становился смысл фраз, сказанных когда-то одним из его друзей – «афганцем»-вертолётчиком: *«...С войны уже не возвращаются. Даже если ты вернулся оттуда живым. С войны возвращается только твоё физическое тело. А душа, мозг, мысли, навсегда остаются там! Война – это как кол, вколоченный на всю жизнь в твоё сознание – на неизвлекаемость!»*

Да, война, как высшая ступень вражды человеческой, несет не только смерть, горе и бедствия. В большей степени, как хребты сталью гусениц, даже не замечая этого, она ломает судьбы людские, на всю оставшуюся жизнь калеча и обрекая на мучения их души...

Как подтверждение тому, пожалуй, во многом знаковый, как ниспосланный Свыше, и абсолютно невероятный случай произошел три месяца спустя.

Зима того года была затяжной, холодной, снежной. И в начале марта теплом весны даже и не пахло. Но тот вечер будто вновь бросил Вадима на раскаленный асфальт бендерских улиц...

- Влад, хватит спать! – Вадим буквально крикнул в трубку, услышав после «алло» недовольный, заспанный голос. – Ну, подумаешь, первый час ночи... – был ответ на ворчание Смолина. – Слушай сюда... Ты сейчас как та «лягуха» подпрыгнешь!.. Да хорош тебе ворчать. Ты представляешь, кто у меня сейчас в гостях был?.. «Румын»! ...Влад, ты или безнадежен, или не проснулся ещё – какой-какой?.. Один из тех наших «друзей», что белые повязки носили... Ага, подскочил? Да ты что, офигел? Какой «сполох»? Ты еще сирену ГО включи, общегородскую тревогу объяви... Лучше извинись за меня перед Валентиной, если я разбудил ее. Тут, кстати, после него у меня еще бутылка «Букета Молдавии» осталась... Короче, открывай дверь, я к тебе минут через десять заскочу на «рюмку чая», и всё расскажу...

- ...Вадим, можно сегодня вечером Светка в гости зайдет? Может, праздник вместе отметим? – в тот день спросила бывшая «половинка» Михайлова. ...С которой он вот уже почти год был вынужден в силу обстоятельств жить в одной квартире, как соседи, занимая разные комнаты. Он возненавидел эту, свою, квартиру – она давно не та, жизнь в ней стала не та, и ничего хуже возвращения домой после работы для себя он уже не мог представить.

...Как Вадим после узнал, и это показалось ему весьма символичным, официальный развод – без его присутствия – состоялся как раз в тот день, когда их группа вошла в Бендеры.

Ничто из той, прошлой, семейной жизни его уже не волновало. Ну, или, если честно, мало что. Сейчас, признался Вадим, он чувствовал себя, как человек после тяжелой, но уже закончившейся операции – всё ещё где-то побаливает, но терпишь и знаешь, что с каждым днём боль постепенно отступает, рана затягивается. Останется лишь шрам. На всю жизнь.

Нечто подобное переживал и Шляхтуров. Правда, с ним это произошло уже после войны. И пройти ему пришлось через ужасную подлость, испытал гораздо большую душевную боль...

Конечно, чего скрывать, говорил Михайлов, много было и хорошего, но... К сожалению, не изобрели и вряд ли когда-нибудь изобретут прибор, способный измерить всю глубину человеческих чувств.

Прошли все выяснения отношений, не было ни злости, ни ревности, да и мужское самолюбие не лютовало. Многое отошло. Даже обида. Обижаться можно было лишь на себя: в своё время дал слабину, вот и... Поверьте, это ужасно, когда на тебя смотрят пустыми глазами, без толики жалости и понимания. Смотрят, как на вещь, как на неодушевленный предмет. И ничего больше не поможет, как ни пыжься, если ты словно вычеркнут из жизни некогда любимого человека. Ведь, что бы там ни говорили, а антипод любви не ненависть, а равнодушие. Когда-то давно, казалось, ещё в прошлой жизни, Вадим прочитал странные для него тогда слова, что есть лишь один по-настоящему страшный и непрощаемый грех – это убийство любви. Потому как Бог и любовь – понятия-синонимы...

После разрыва Вадим поначалу чувствовал себя словно потерявшимся в тайге ребёнком. И после всего пережитого просто отходил. Отдыхал. По-холостяцки. Будучи уверен, что к седьмой Господней заповеди это никакого отношения не имеет. И при этом, благодаря горькому опыту, довольно удачно уклонялся, образно говоря, от пробежек по минным полям любовных страстей, ловко раскинутых подругами, имевшими на него виды. Видел – это всё не то: не та и не эта.

*«...Мы будем помнить эти дни войны,
Как были мы врагом окружены.
Как над Днестром огонь ревел в ночи
И как ребят казнили палачи.
Нальём в стаканы терпкого вина,
Когда придёт на землю тишина...
Я обниму тебя, в глаза тебе взгляну -
И скажешь ты: «Не надо про войну!..»*

А.Крылов, 1994 г.

А нужна такая, чтоб на всю жизнь! Он ждал и искал. Встречал, ошибался и снова искал. Господь, видимо, всё же неплохо относился к Вадиму, коль вскоре просто, словно Своим лёгким дыханием, организовал ему невероятнейшую встречу: в Иркутске ...с сахалинской ... хохлушкой ...из Хабаровска! С Людмилой. И в дом его вместе с ней войдёт покой и лад. Будет потом и сын, будет и ещё одна лапочка-дочка. Но всё это будет потом.

- ...Посидим в твоей комнатухе? – подкатив лисой, спросила его бывшая. - Она все же попросторнее... Ну, не на кухне же!.. Да и Динка спать уж будет.

Ну, как он мог отказать, пусть уже ставшей чужой, но все же женщине, в праздник 8 марта? Да и дочку, что-то сегодня чуть подхворавшую, беспокоить, конечно, не надо бы ...

- Да, еще... К Светке ее брат в отпуск приехал, она спрашивала: можно с ним прийти?

Светку – чернявую, чуть растолстевшую хохотушку со своеобразным южнорусским говорком, жену одного знакомого бывшего комсомольского функционера, вовремя и по-своему правильно оценившего выкинутый в массы лозунг: «Обогащайтесь!», и вынырнувшего из мутной пены перестройки в малиновом пиджаке, Вадим знал уже года два. Но знал о ней немного – что уж лет пять-шесть, как муж привез ее в Усть-Илимск вроде бы откуда-то с Украины; знал об их, странной для него, семейной жизни – каждый жил сам по себе, но при этом вроде бы и любя друг друга, и что детей у них нет; что ни в чем себе не отказывая и, вращаясь в кругах «крутизны» и «новых русских», Светка не растеряла своей доброты и душевности; слышал, что остались они с братом сиротами еще в юности, что брат у нее офицер...

- Да Бога ради, пусть приходят, - в благостном настроении ответил Вадим. День прошел прекрасно, и идти сегодня никуда больше не хотелось, а тут вечер мог оказаться приятным. – Тогда с тебя не просто закуска, а ужин поплотнее ...сама понимаешь. Коньяк у меня есть, за вином схожу.

...Посидели хорошо, весело. Сергей, как представился брат Светки, весьма интеллигентный человек, обладая чувством юмора и тонкой иронией, оказался очень интересным собеседником. В «красках» рассказывал о своей бывшей службе в Германии, о своей курсантской жизни в Одесском артиллерийском училище, о проказах своих малышей. Вадим узнал, что они с ним сверстники, что Сергей майор, комбат-минометчик...

Покуриив вместе в полумраке кухни и потравив анекдоты, Вадим предложил выпить хорошего коньяка, мол, пусть вино и виски дамы «добивают».

- Недавно вот достал по случаю: «КВИНТ-Юбилейный». - Взял из шкафчика бутылку, и, показав Сергею, не без хвастовства добавил: - Десять лет! Настоящий, молдавский. Тираспольский! Не коньяк – нектар и амброзия!

- Ох, во я дурак! – хлопнул себя по лбу Сергей. – Совсем забыл... Я ведь тоже привез настоящее молдавское. – И уже через полминуты, достав из кармана куртки, висевшей в прихожей, протянул литровую бутылку «Букета Молдавии»...

- Да, что и говорить – вино отменное, – проговорил Вадим, поднеся бутылку к свету, висевшего на стене бра. – «Молдова, Приднестровье. Город Дубоссары»... - прочитал на оборотной этикетке, отметив вслух: – Ух ты, уже по-новому пишут: Приднестровье. ...И уже не Молдавия, а Молдова. – И задумчиво продолжил: – Да-а, прошлым летом и этого винца тоже попробовали мы там, на Днестре... – Вадим щелкнул пальцем по этикетке с изображением контура Приднестровья.

Ему показалось, что Сергей, как-то коротко и глубоко вздохнув, хотел было что-то сказать. Но промолчал. Вадим поднял на него взгляд. Даже в царящем на кухне полумраке увидел его побледневшее лицо, немигающе-пристальный и удивленный взгляд.

- Ты... – выдохнул он, – был тогда... в Дубоссарах? – почти шепотом и каким-то потерянным голосом. Задав вопрос, замолчал. А в глазах стояла такая растерянность!..

- Нет... – ответил Вадим ему почти также тихо. – В Бендерах. – И почувствовал, как что-то изменилось... как бы выразиться поточнее... в атмосфере, что ли, в сознании?.. Поначалу не уловил – что? Какое-то неприятное и смутное чувство стало постепенно овладевать им. Он вдруг вспомнил взор Сергея – словно испугнутой птицей взлетели ресницы! – когда тот только вошел и, окинув взглядом полупустую комнату, увидел висящие в Красном углу под иконами на стене два вымпела: «Иркутское казачье войско», а другой – «Тирасполю 200 лет» с портретом Александра Суворова. Но тогда в своём радушии Вадим особо не акцентировал свое внимание на этом. И тут до него, отбросив все «не может быть!», дошло! Кровь ударила в голову, выбивая из нее хмель! Медленно, будто просыпаясь, вдруг заныла голень с так и не прошедшим багровоющим шрамом, а рот наполнился железистым привкусом, как тогда...

- Так ты... – Вадим на секунду остановился, шалея от невероятности, – «румын»?!

Глядя ему в глаза обреченно-равнодушным взором, Сергей промолчал. Резко развернувшись, Вадим шагнул из кухни. Три шага – и он в комнате.

Ах, какая идиллия предстала пред очи: приглушенный абажуром свет бра, из музыкального центра нежно нес свою ностальгию «Одинокий пастух», а дамы, сидя в уютных креслах с бокалом «Чинзано» в руках, в полголоса опять кому-то «перемывали кости»...

Но в голове его будто бил барабан. Быстро, не говоря ни слова, Вадим достал из стоящего в углу пуфа свою поблекшую куртку-«камуфляжку», надел ее и повернулся к враз притихшим, уставившимся на него женщинам.

- Что, своим героизмом похвалиться захотелось? «Свободные уши» нашел?.. – с пьяной издёвкой спросила бывшая жена. Перехватил её взгляд, полный холодной тины.

«О-о, ну никак не может – опять «гниль» поперла...», – внутренне поморщился Вадим. Отвечать не стал, будто и не слышал этого. С некоторых пор он научился не слышать того, что не хотел слышать. Чтоб не усугублять. Да и сейчас не та ситуация, чтоб позволить себя завести. Он посмотрел на Светлану, хотел было спросить её тихо и спокойно, но голос от волнения выдал нотки «металла»:

- Света, скажи, пожалуйста, Сергей откуда приехал, где живёт?

- В Кишинёве, а шо?.. - протяжно и недоуменно, с непроходящей улыбкой ответила она.

И тут Вадим увидел, как у его бывшей, медленно, прям как в кино, челюсть сползает вниз, и глазами, полными растерянности и ужаса, видимо резко трезвея, впилась в него взглядом, в момент поняв весь драматизм и несуразность ситуации!

- Не бойсь, – тихо и холодно сказал Вадим. – Он наш гость!.. – И под взглядом так ничего и не понявшей Светки, пошел на кухню.

А.Э. Крылов. «Лицо гражданской войны», «Народная правда», СПб, №11 (63), 1993 г.

«...И реальность эта опять же из той, такой далёкой и близкой фронтовой жизни, когда в часы затишья мирно общались непримиримые противники у нейтральной полосы, шутили, потягивая вино виноградное да вишневое...»

И себя самого убедить в этом порою не менее трудно... Такие же вроде люди, такие же пацаны. Такие, да не такие. Враги. И только за одно это будь проклята любая война!

Не вычеркнуть из памяти лица тех, кому судьбой и линией фронта определено быть врагами – одурченных посулами политиканствующих дядей, не ведающих пощады, убивающих невинных, сжигающих мирные дома в цветущих садах.

Совсем другие у них лица. Также загорелые и опалённые. Но мрачные и застывшие. Опустошенные, как надтреснувшие их души. Они тоже улыбаются и даже смеются. Но смех тот звучит вымученно и неестественно, а во взглядах их пустота и отрешенность – от своей причастности к безумию совершенных злодейств, неподвластных осознанию человеческим разумом. И простит ли Господь? Простят ли люди? Мы сами – простим ли?»

...Влад Смолин жил недалеко, так что после звонка, уже подходя к его дому минут через десять, Вадим отметил – в квартире горит свет не только на кухне, но и в зале.

- Михалыч! – как выстрел рывкнул голос в ночной тиши, Вадим даже вздрогнул. За ним к крыльцу подбегал Лекарев. – Здорово ночевал!

- Да не пришлось ещё прилечь. А тебе-то чего не спится?

- Что случилось-то? – Славка, будто не расслышав вопроса, пожал протянутую руку. – Мне Влад сейчас позвонил ...чтоб срочно к нему ...мол, у тебя что-то там... – он аж запыхался.

- Да ничего не случилось. А Владислав Петрович у нас не подьесаул Смолин, а «генерал Паника» – из мухи слона сделает.

- Ну, этот-то может!.. – хохотнув, Славка выдал очередной каламбур: – Он кого угодно из «Мухи» «сделает», не только слона!.. Так что у тебя там?.. – возвращаясь к теме, вновь спросил Славка.

Вадиму стало смешно, и он лишь отшутился: – Пойдём, пойдём, свежий анекдот расскажу. А то Влад уж поди заждался...

Валя Смолина уже тоже не спала, в ожидании нечаянно-полуночных гостей накрыла «фруктово-конфетный» стол, что было весьма кстати к «Букету Молдавии», которое, как сбалагурил «Лекарь»: – Раз оно побывало в руках «румына», будем считать трофейным...

Рассказ Вадима о встрече – просто фантастическая невероятность ситуации! – поразил друзей.

И. Днестрянский. «К вопросу о том, какие слова и тон допустимы или недопустимы в разговорах о Приднестровском конфликте». WWW. ArtOfWar. RU.

«...Националистов я ненавижу жутко. Для меня основанием к открытию огня был простой факт, что тот, по кому я веду огонь - на другой стороне, потому что «ту сторону» я за людей не считал. Чтоб я принял противника за человека, он должен был проявить что-то человеческое, показать, что он считает приднестровцев за людей, пойти на контакт, например. Только тогда вступали в действие другие, гуманные правила. Такой вот нюанс...»

...Заходя на кухню, Вадим включил свет. Сергей стоял под форточкой, курил. На кухне хозяин отсутствовал не долго – огонек сигареты, которую гость подкуривал еще при нем, подходил к фильтру... Вадим отдал должное его самообладанию – Сергей внешне был абсолютно спокоен. Но глаза – они поражали! В них было столько пустоты, такая отрешенность – до безысходности!..

Окинув взглядом выгоревшую на солнце, потертую «камуфляжку» с двуглавым орлом на шевроне, Сергей остановил свой взор на красно-зеленом приднестровском флажке, нашитом над левым кармашком.

- Да-а... – грустно и задумчиво, как ни к кому не обращаясь, произнес Сергей. – Никогда, даже в страшном сне, не смог бы представить, что та война меня даже здесь догонит. – И, прямо посмотрев Вадиму в глаза, спросил: – Ну, что делать будем?

- Не ссы, комбат. Сейчас ты не враг, а мой гость. Да и нет у меня к тебе ни малейшего чувства вражды, нет и не было ненависти ни к Молдове, ни к Румынии. Мне претит любое проявление шовинизма, национального превосходства или расовой исключительности – к дьяволу это всё! А что делать будем?.. Пить будем, разговоры будем разговаривать!.. Садись и расслабься, – спокойно сказал Вадим, разливая коньяк по широким пухлым рюмкам. – Драки не будет – гарантирую. Здесь тебе бояться нечего, да и вижу, что ты не трус... Бери, – протянул ему рюмку. – А что до войны, которая тебя и здесь – в Усть-Илимске, как ты сказал «догнала», то знай: поезжай ты в любой город России, хоть в Якутск или Уссурийск заберись – та война тебя и там «догонит». И не только потому, что со всей России казаки и русские добровольцы пришли на помощь, расстреливаемому вашими минометами, народу Приднестровья, а потому что, как я вижу, ты человек мыслящий, не из когорты волонтеров – зашоренного национализмом бессарабского быдла, и ясно понимаешь, какой на тебе безмерный грех. Вот потому-то та война и жжет твою душу изнутри. И как от себя, от нее ты никуда не сбежишь! Если я не прав – скажи... – И как можно спокойней продолжил: – Я не хочу читать тебе нотаций, я просто хочу понять: как ты – советский офицер, да, я не оговорился – советский! мог пойти на это?.. Я понимаю, что принял присягу на верность Молдове. Но молдаване лишь часть того народа – советского, на верность которому мы давали ту главную и единственную в своей жизни присягу. Которую, кстати, хотя и нет больше Союза – никто не отменял! Как от имени одной части этого народа вы вдруг стали стрелять по другой?..

Л. Леонов. «Русичи на Днестре». «Советская Россия», 2 сентября 2000 г.

«Русских в новой армии Молдовы было немного, но они были. Русскими оказались полковник и рядовой, отразившие вдвоём танковую атаку приднестровцев на Бендерском мосту после того, как другие удрали с позиций; майор, отлично командовавший молдавской артиллерией на Кошницком плацдарме...»

...Вид Сергея был жалок, хоть он и крепился. Чтоб тот не замкнулся в себе, Вадим спокойно и, как мог, доброжелательней, после рюмки, выпитой по-немецки не чокаясь, вызывая

его на откровенность, стал рассказывать об их летнем «отпуске» в Бендерах. Принес привезенные им приднестровские газеты, в которых каждая фотография буквально стреляла кровавой правдой... Сергей слушал спокойно и внимательно, с явным интересом стал задавать вопросы – он сам пытался что-то понять... или утвердиться, как показалось, в понятии им ранее. После третьей, выпитой ими рюмки коньяка, Сергей, встав с сигаретой под форточкой, начал рассказывать свою историю. Она поначалу мало чем отличалась от рассказов о судьбах тысяч офицеров, когда их часть, как и многие другие, по воле «прогнущегося» перед Западом Горбачева, была в срочном порядке выведена из Германии и брошена чуть ли не в чистом поле где-то в Белоруссии, где не было никаких нормальных условий жизни не только для семей офицеров, но и для солдат. ...Когда при шквальной дороговизне начались бешенные перебои в денежном и пайковом довольствии. ...Когда жене можно было даже и не мечтать о работе – её просто не было! Где, как жить, чем детей кормить? И Союз, как Вавилонская башня, фактически уже развалился...

- ...Офицеры, при молчаливом согласии командования, чтоб выжить, занялись кто чем может: кто «челночным» бизнесом – благо, что Польша рядом, кто коммерцией при части – законной или не очень, - рассказывал Сергей, затягиваясь очередной сигаретой. - Кто, плюнув на все, решил уволиться, даже по дискредитации... Жена с детьми уехала к матери в Кишинёв, а я продолжал служить, прозябая при части в нищете и без крыши над головой, не известно чего дожидаясь, наивно надеясь на лучшее... После похорон тещи, когда по завещанию нам перешел просторный дом с большим садом на окраине Кишинёва, решил, что всё - хватит служить! Не сразу, с трудом, но все же уволился. Устроился в Кишинёве на завод мастером – сельхозтехнику там ремонтировали. – Сергей улыбнулся, но как-то странно – улыбнулись губы, а сам он – нет. – Но не долго длилось благополучие, – продолжил он, – вначале задержки зарплаты, перебои с запчастями, а потом завод вообще встал. Опять окунулись в нищету, спасали лишь случайные заработки да земля... С лихвой бед хватили! А тут от знакомого офицера случайно узнал, что под Кишинёвом формируется артиллерийская бригада. Недолго я сомневался. На удивление быстро, несмотря на формулировку в личном деле, меня восстановили на службу. Получил весьма хорошие подъемные, да и оклад меня приятно удивил. После всех пережитых невзгод, в семью впервые пришел достаток и какая-то стабильность... Назначили меня на должность командира батареи, пришлось практически с нуля формировать ее – окунулся в службу с головой! И плевать я хотел на политику! Считал, что в этот период перехода и становления, ну пошумят еще немножко, да все встанет на свои места. Ни о какой войне никто из наших офицеров не мог и помыслить даже... А потом в бригаде вдруг стали появляться румынские военные советники, инструкторы, специалисты какие-то... Ты думаешь, они нас – меня, моих офицеров – могли чему-то научить? Черта-с-два! Мы любому из них еще фору могли дать! Потом поняли – «сигуранца» это...

- Ну, а с языком-то как? – перебил Вадим его рассказ. – «Мову» «романэшты» выучил?

- Жить захочешь – выучишь! – вздохнув, как от тяжелой сердечной боли, ответил Сергей, и тут же улыбнулся чему-то своему. – У меня в батарее две трети личного состава из деревень, большинство по-русски ни бельмеса, кроме мата, не понимают... Да и с нас самих требовали. Даже вечерние курсы организовали... – и тут впервые за весь вечер Сергей зло, истинно по-русски выматерился. Эта смачная фраза пришлась как нельзя к месту, и плотно легла в конец предложения, как патрон в патронник, отчего искренне и вызвала смех Вадима.

- Взглянул я тут на статейки в этих газетах, – кивнул Сергей на угол стола. – Короче, правда всё, только, видно, мало еще об этом знают в Тирасполе. Приходило к нам не только румынское оружие, техника, боеприпасы – я сам принимал, в техпаспортах, на упаковочных листах да в формулярах часто видел «Made in»... Венгрия, Чехословакия... По сравнению с русским – дерьмо, конечно... А сколько нашего – советского оружия приходило через Румынию из третьих стран, даже из Африки!

С. Кицак, генерал-майор, главный военный инспектор Вооружённых Сил ПМР. Из выступления в Государственной Думе РФ 15 апреля 1996 г.

«Только за период с мая по сентябрь месяцы 1992 года в Вооружённые силы Республика Молдова из Румынии было поставлено вооружения и боеприпасов на сумму более трёх миллиардов лей, в том числе 60 танков, 259 бронетранспортеров и боевых машин пехоты, большое количество стрелкового оружия и боеприпасов».

- А как вас на войну-то послали?

- В марте, когда уж порохом запахло, мы поняли, что не отвертимся. Да и зажали нас крепко, особенно тех, кто начал выражать недовольство, задавать вопросы... – прямо дали понять, что за отказ от выполнения приказа 10-15 лет заключения нам обеспечат, еще и намекнули про наши семьи... Костя – замкомбат-два «выступил», так в детскую коляску с его сынишкой, стоявшую у ДОСа под его окном, прямо на белое одеяльце бросили окровавленного кутёнка с перерезанным горлом... мать их!.. – Сергей витиевато выматерился. – Это ритуал такой у этих «нациков». У жены чуть ли не удар, истерика... Ненужных вопросов Костя больше не задавал...

Сергей рассказывал обстоятельно и спокойно, лишь закуривая сигарету одну за другой. Вадим понял, что он просто хочет выговориться о наболевшем. Хмель его не брал. Лишь сигарета в руке, видимо от переживаемых волнений, нет-нет, да и дрогнет...

Их артиллерийскую бригаду раскидали вдоль Днестра. Батарея 82-миллиметровых минометов, которой он командовал, вначале оказалась под Дубоссарами. Простояли они там до середины апреля...

- ...Скажу честно: пропаганда свое дело сделала. Им на хлеб с маслом за просто так не платили. Но все равно, на душе тяжело было. Слабым утешением, может, было лишь то, что мы воочию не видели результатов своей «работы»... Это уж потом, под Кочиерами, куда нас перебросили, я такого насмотрелся!.. Безлюдные, разрушенные села... По Рогам призраком ходил лишь один безумный старик... Как-то после рекогносцировки я долго не мог отделаться от обволакивающего и выворачивающего всего наизнанку запаха – казалось, что трупный смрад просто пропитал Кочиеры... И эти тупые атаки полиции! ...Которые мы поддерживали огнем. Зачем? Если изо дня в день одно и то же: атака – отход – перемирие... Вытащат с поля убитых, искалеченных – а после каждой атаки их десятки!.. – и опять атака! Бессмыслица!!!

И. Днестрянский. «Рожденные в Р.С.С.С.» WWW. ArtOfWar. RU.

«...Не прошла в душе, да и не пройдет никогда лютая ненависть к националистическому зверью. Но как не помнить себя сидящим против такого же небритого и усталого ОПОНовца, последними словами проклинаящего Снегура, Косташа и румын? Почти крест-накрест лежали наши автоматы, и тянулась вперед его рука с кружкой: «Выпьем, лейтенант...» И мы пили. На ехидный вопрос настороженного юного молдаванчика, такого же, как и я, младшего лейтенанта: «За чью победу пили?», старший ОПОНовец, не стесняясь приднестровцев, устало бросил: «Молчи, дурачок! Кому здесь нужна эта победа?!» Это тоже было... И если бы рядом стояли наши дома, я убежден, что этот ОПОНовец был бы мне лучшим соседом, чем многие киевляне или москвичи...»

- ...В мае нас перебросили на Кошницкий плацдарм. Но я был там недолго – отозвали в Унгены. Пополнение надо было обучать. Сдал батарею заму. А через неделю ее накрыла ваша... – Сергей осекся, на миг взглянул на Вадима и тут же опустил глаза, – ...приднестровская артиллерия. – Замолчал. Достал очередную сигарету. Не спеша, размяв, прикурил. И вдруг, резко вскинув голову и, пристально посмотрев, спросил: – Вадим, скажи честно ...если знаешь, это ...была 14-я армия?

- Нет. Это была ...уже! – Вадим сделал нажим на слово «уже», – артиллерия приднестровской гвардии. Я не замполит, чтоб говорить тебе о присяге и долге, о чести офицера, которая не приемлет исполнение преступных приказов? Ты уж не обижайся – ведь на правду нельзя обижаться! – но это из-за тебя, из-за вашего Косташа, и в первую очередь «благодаря» сыгравшему в «свои ворота» «нашему» генералу Неткачеву, часть 14-й российской армии стала Республиканской гвардией Приднестровья и ...гибелью твоей батареи. Пояснить?

- Не надо. Я понял. Спасибо, – вымученным голосом сказал Сергей, «по-фронтовому» – в кулачок, затягиваясь сигаретой. Немного помолчав, продолжил: – Потерь много было – у нас весь городок выл... Переформировав, опять раскидали кого куда. Моего друга Костю, как и многих, в начале июля перебросили под Бендеры...

- ...Не в Гербовцы ли? – Вадим перебил его рассказ.

- Да. А ты ...откуда это знаешь? – изумился Сергей.

- А разве не об их разгроме хотел мне сейчас рассказать?.. В Гербовецком лесу. – И немного помолчав, Вадим спросил: – Он жив, твой друг Костя?

- Да. По ранению списали... До сих пор шея не двигается.

- Ну, тогда если увидишь его, передай от меня привет. Нет, ты не подумай, что издеваюсь. Я даже сочувствую ему. И тебе тоже... Просто мы – вся наша группа, были свидетелями, как «перепыхивали» Гербовецкий лес. Огнем руководили с НП нашей «базы». Мы все видели! Скажу тебе честно еще одно: если вдруг услышишь, что, мол, это была республиканская артиллерия – не верь. На этот раз били «Гвоздики» 14-й армии. Лебедь вовремя разгадал план, и не дал Косташу, или как он его назвал – «людоеду от ДОСААФ», окончательно превратить Бендеры в подобие Лидице или Герники... Я не буду говорить за весь народ Приднестровья, за жителей и защитников Бендер. Скажу лишь за себя. Я благодарен генералу Лебедю своей жизнью, всем её остатком. Если бы не тот превентивный удар «Гвоздик», то не сидел бы я уже здесь. В тот день был мой день рождения, он мог бы стать и днем моей смерти – обидно б было, правда?.. Смяли бы нас утром, как консервную банку, всей той силой, что была под Гербовцами, и с землёй перемешали. Наш-то участок был бы почти на острие удара... Чуток мы, может, ещё продержались бы. Ну, при большом везении отправили бы мы на тот свет с полсотни мулей, а потом разметали бы нас в клочья минами твоего дружка Кости. И всё! У нас просто не было бы ни единого шанса...

Вадим замолчал. Молчал и Сергей. Так же молча опрокинули в себя еще по рюмке коньяка, думая каждый о своём.

- Ты долго будешь здесь в отпуске? – зажевывая долька апельсина, спросил Вадим.

- Честно говоря, это не отпуск. Ушел я из армии. Не могу больше... И из Молдовы уезжаем – не будет там жизни! Костя под Керчь уехал, брат у него там – помог с жильем, на работу устроил. Костя и нас позвал. По соседству с ним дом продается. На наш дом с горем пополам мы покупателя нашли, но денег на новый все равно не хватает. Вот я и приехал у сестренки попросить...

Вот такой оборот дела Вадима просто ошарашил, внес в душу какую-то сумятицу. Но и от сердца что-то отлегло. Отчего? Пожалел? Или... «возлюбил врага своего»?

Ю. Неткачев. «Приднестровский конфликт: причины, ход, последствия». «Военно-промышленный курьер», №33 (100), сентябрь 2005 г.

«...К сожалению, на протяжении всей постсоветской истории мы так и не смогли занять конструктивную позицию по отношению к Приднестровью и Молдове. План Козака по урегулированию конфликта провален. Наша дипломатия действует неумело и не может или не хочет работать на опережение событий, навязывать инициативу. ...Кишинев с помощью США, НАТО и европейских структур активно выталкивает нас из Приднестровья, хотя здесь мы имеем важные геополитические интересы. Но свое влияние там, как и в других регионах СНГ, мы стали утрачивать со времен распада СССР. Я уверен, что если бы Москва заняла конструктивную позицию, то и приднестровского конфликта не было...»

Вадим закончил свой рассказ. В комнате пару минут висела какая-то неловкая тишина.

- Вы знаете, а мне его даже жаль... Жалко его сломанной жизни, - с грустью сказала Смолина Валя. - Понимаете...

- А мне – нет! – будто рубанув, перебил её Влад, при этом кадык его дернулся, словно затвор, лицо набрякло гневом, жилы враз вздулись. – ...Сердобольная ты наша. Он ведь сам выбрал такую судьбу! И душу себе испоганил! Сколько безвинных жизней он погубил – одному

Богу известно. За это Господь и обрек его жизнь на страдания. Может, хоть чуть-чуть они приблизят его душу к очищению. Все взаимосвязано в этом мире. Не будет он оставшиеся дни на земле счастлив чужим горем. Те, разорванные его минами, которых из-за своего равнодушия он даже и врагами-то не считал, не принесут ему покоя и любви!.. **«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».** Господи! А как?! Как научиться благословлять детей убивающих? Благотворить ненавидящих, гонящих?.. Любить? Молиться? Помните, в Бендерах, когда мы зашли в Преображенский собор, избитый осколками тех же мин, отец Михаил говорил: «Наше дело молиться. Мы молимся спасению душ и ваших и тех...» Но как молиться за тех? Я уже не мог. И доныне не могу. Грешен... Прочёл я как-то – ещё в прошлом веке Митрополит Московский Филарет сказал: **«Любите врагов своих, сокрушайте врагов Отечества, гнушайтесь врагами Божиими».** Враг нашего Отечества – враг Божий, и мой личный враг. И крушить я его буду нещадно!.. Возможно, что слова Спасителя нашего: **«Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч»**, – они и об этом тоже...

- ...В том, что с ним произошло, можно конечно, обвинять и систему власти, в которой он всего лишь «винтик», – спокойным голосом включился в разговор Лекарев. – Можно валить и на обстоятельства, в которых любыми способами силился выжить этот «маленький» человек, приспособиться, не смотря ни на что... Прямо социал-дарвинизм какой-то, мать его! ...У него свои проблемы и горести, и такое естественное желание, как жить, заботясь о семье и близких, он мечется, боясь свергнуться с ними в пропасть нищеты и бед, и, не зная как жить перед лицом надвигающейся катастрофы, совершает «ошибки». Он может оправдываться, что его вынудили, что «я выполнял приказ». Но двух правд не бывает, и реки вспять не бегут – что сделано, то сделано. На нем уже столько греха – пробы негде ставить! Потому как равнодушие – тот же грех, это первый шаг к предательству и преступлению. Ему, как он сказал: «плевать на политику» – был бы достаток да благополучие... В конечном счете, и на тех, у кого его мины отняли жизнь и благополучие, ему тогда тоже было наплевать. Немного утешает лишь, как показалось, его начавшееся прозрение. Но отмолит ли он оставшейся жизнью свои грехи? Думаю, ему, как тому евангельскому Великому жиду, не будет покоя до гробовой доски... Помните, перед нашим отъездом из Тирасполя «Адмиральша» - председатель Женского забастовочного комитета Приднестровья Галина Андреева сказала: «Ребята, если даже просто ваше участие сберегло хоть одну человеческую жизнь – ваша жизнь уже оправдана!» А чем оправдывает свою жизнь он?... А такие, как он? А чем оправдывают свои деяния те политики?..

А. Крылов. «Лицо гражданской войны», «Народная правда», СПб, №11 (63), 1993 г.

«И закричать бы на всю страну, на весь мир: «Остановитесь, люди! Не стреляйте, братья! Опустите оружие! Не верьте – лгут вам ваши правители, не мы враги друг другу – они нам...» Но сам собой застревает крик в горле – ведь всё равно не услышат, не поймут, наткнется этот крик не на сердца людские, а разве на удар дубинки, а то и на автоматную очередь; новой захлебнется кровью.

Ибо проклятая война ещё не окончена...

Но прорывается всё же с болью: «Не убий!» - заповедь Господня, исполненная белой краской на броне трофейного румынского БТРa казаками под Кошницею... Да сбудется это, братья мои, казаки – «Не убий!»

...«Итак, по плодам их узнаете их».
С высоких трибун говорили о добре, и посеяли ненависть. Говорили о любви и консенсусе, и усеяли поля и города трупами. Говорили о милосердии, и

**«...Приднестровье – край благословенный.
Шелестят листвою тополя...
Так пускай зажгут огонь священный
В память о погибших сыновьях.
Здесь нам в пояс кланяются люди,**

полили виноградную лозу слезами детей
и вдов. Вот они, господа политики,
плоды ваши! Вы узнаете в них себя?

А что произошло с вами, люди земли
благодатной? Именем каких-то высших

интересов вы стали наводить стволы снайперских винтовок на детей, подбирающих гильзы с асфальта... И это на земле, где не похоронены все павшие, не обезврежены все мины, не распаханы все окопы минувшей полвека назад войны. На земле, где еще памятли ужасы немецко-румынской оккупации, где так и не успели поставить памятники над многими «маленькими» «бабьими ярами», где готовы были вытерпеть всё – ...лишь бы не было войны.

«С конца 1991 года мы потеряли в войнах на территории бывшего Советского Союза более 150 тысяч убитыми. Это в 11 раз больше, чем за 10 лет войны в Афганистане, - таков масштаб новой трагедии...». («Правда», 22 апреля 1993 г.)

Так было. А что будет – ведаёт Бог.

***В каждом доме ты – желанный гость...
Ведь всей мощью танков и орудий
Нас врагам сломить не удалось!»***

А. Крылов, 1994 г.